

УДК 33и (Кит)

Р.И. ХИКМАТОВ,
кандидат экономических наук, старший преподаватель

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ЭВОЛЮЦИЯ КИТАЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ К РЫНОЧНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

Статья посвящена исследованию долгого и весьма поучительного пути трансформации китайской экономики от условий тотального и жесткого государственного регулирования к рыночным отношениям путем либерализации, приватизации и стабилизации хозяйственных процессов. Кроме того, в статье высказывается предположение, что возрастающая критическая масса экономических преобразований, судя по всему, приведет к формированию довольно прочной и непоколебимой политической системы КНР.

Без разрушения нет созидания. Разрушение – это критика, это революция. Разрушение требует выяснения истины, а выяснение истины и есть созидание.

Из цитатника Мао

Восьмого августа 2008 года ожидается помпезное открытие XXIX Летних Олимпийских игр в Пекине. По случайному стечению обстоятельств, данное спортивное состязание глобального масштаба совпадет с 30-летней годовщиной китайских реформ и станет вполне своеобразным и дорогим подарком к юбилею великих преобразований. К слову сказать, стоимость организации и проведения игр может обойтись китайским властям, по разным подсчетам, от 18 до 39 млрд долл. и стать самой дорогостоящей Олимпиадой за всю историю ее существования. Напомним, что самые "затратные" олимпийские Игры за последние 100 лет прошли в Афинах в 2004 году, которые, в общей сложности, были оценены в 7 млрд евро. Тем не менее, беспрецедентная дороговизна предстоящих Игр – вполне удобный и не лишний шанс, представившийся китайскому руководству, показать всему миру результаты экономического чуда, ставшего в последнее время притчей во языцех. Как известно, наиболее многолюдная страна (численность жителей Поднебесной перевалила за 1,3 млрд человек) не первое десятилетие бьет все рекорды по длительности высоких средне-

годовых темпов прироста ВВП (в 1978-2006 гг. – 9,4%, при этом в 1991-1995 гг. – 11%). Кстати, по итогам первого полугодия 2007 г. ВВП КНР вырос на 11,5%. Следовательно, если рост не замедлится, то в текущем году он окажется самым большим с 1994 г., когда экономика выросла на 13,1% [3].

Кроме того, Китай – лидер по объему привлеченных иностранных инвестиций (сопряженных с передачей промышленных и бизнес-технологий), в 2002 году он опередил по данному показателю США. Более того, в минувшем году КНР стала располагать наиболее значительным объемом золотовалютных накоплений, перехватив эстафетную палочку у Японии. Напомним, что в 2007 г. величина долларовых активов, находящихся под управлением китайского Центробанка, оценивается в 900-1000 млрд долл. Нельзя обойти вниманием и тот факт, что за КНР – первые позиции по добыче угля, железной руды, производству хлопка, хлопчатобумажных и шерстяных тканей, обуви, минеральных удобрений, цемента, чугуна, стали и проката, цветных телевизоров, бытовых холодильников, стиральных машин и т.д.

Многие из перечисленных достижений по праву служат визитной карточкой современно-го Китая. Кроме того, по многочисленным прогнозам солидных международных организаций и отечественных научных кругов, в ближайшие два-три десятилетия экономика КНР с высокой долей вероятности выйдет на доминирующую позицию по величине ВВП. К примеру, аналитики банка Goldman Sachs полагают, что уже к 2027 году китайская экономика по размеру перегонит американскую [4]. Долгосрочный экономический прогноз, подготовленный сотрудниками ИМЭМО, в основе которого лежат расчеты ВВП 152 стран, опирающиеся на демографическую статистику, оказался еще более категоричным. По материалам данного исследования, к 2020 г. ранжировка стран по объему ВВП в ценах и по ППС 2005 г. будет выглядеть следующим образом: КНР (23%), США (18%), Индия (8,4%), Япония (4,6%), Россия (3,2%), Германия (2,9%), Бразилия (2,4%) – в скобках указана доля стран в мировом ВВП [2]. Особого внимания, как считает автор, заслуживают и мнения не менее авторитетных, чем вышеперечисленные структуры, ученых – лауреатов Нобелевской премии по экономике разных лет. Так, проведенный The Wall Street Journal в 2004 году опрос на тему, какая экономика будет крупнейшей через 75 лет (по размеру ВВП): США, Европейский союз или Китай, выявил, что семь из двенадцати именитых нобелевских лауреата отдадут пальму первенства Китаю.

Таким образом, КНР весьма динамично направляется по неторной и долгой дороге экономического развития к еще более впечатляющим успехам, по образному выражению Дэн Сяопина – отца китайского чуда, – перескакивая с камешка на камешек с целью последовательно и неспешно перейти "реку" бурных социально-экономических перемен¹. Начало перехода датируется далеким октябрем 1978 года.

В то время отсталая земледельческая страна многотрудно переживала целую вереницу неудач, в том числе два довольно крупных и разрушительных по своей силе социально-политических и экономических потрясения: "большой скачок", приходящийся на период с 1958 по 1961 гг., и "великую пролетарскую культурную революцию" 1966-1976 гг.² Итогом чего стала растущая пропасть отставания Китая от всех развитых и ряда развивающихся стран как в хозяйственном, технологическом, кадровом, так и институциональном отношении. Поэтому политику "реформы и внешней открытости" семидесятичетырехлетнего реформатора Дэн Сяопина китайское общество восприняло как глоток свежего воздуха, открывшего второе дыхание тотально неконкурентоспособному, огромному хозяйственному организму. Несмотря на то, что Китай 80-90-х годов XX века во многом походил на СССР 20-30-х годов аналогичного столетия как по уровню ВВП на душу населения, структуре занятости, соотношению сельского и городского населения, уровню грамотности, а также доле бюджета в ВВП, он применил совершенно другие методы преобразований, кардинально противоположные российским. В конце 1978 года в аграрном секторе, в отличие от индустриального, где продолжала царить плановая экономика, осуществляется быстрая и всеобщая либерализация. Параллельно с ней происходит деколлективизация, нацеленная на ликвидацию народных коммун, больших кооперативов и передачу земли в пользование крестьянам на длительные сроки на условиях семейного подряда. В результате в Китае создаются индивидуальные хозяйства. Следовательно, КНР избрал путь "мягкой" постепенной индустриализации через развитие крестьянских хозяйств и пищевой промышленности. Следует отметить, что уже в течение первых девяти лет после начала осуществления преобразований объем производства в аграрном секторе возрос

¹ Дэн Сяопин как-то отметил, что процессы преобразований в китайской экономике происходят по методу "переходить реку и искать брод, нащупывая камни".

² Впоследствии сами китайцы окрестят их "большим скачком назад" и "потерянным десятилетием".

в среднем более чем в 1,5 раза, производительность труда – на 25% [6]. Остается добавить, что в настоящее время Китай прочно сохраняет первенство по производству зерновых культур, пшеницы, картофеля, растительного масла, пива, овощей и бахчевых, плодов, ягод, цитрусовых, по поголовью свиней, овец и домашней птицы, производству скота и птицы на убой, куриных яиц, улову рыбы и добычи других морепродуктов [5]. Таким образом, Китай, успешно решая проблему "сытости", практически полностью обеспечивает себя продовольствием.

Однако в ходе реализации реформаторских мер, логичным побочным эффектом становится лавинообразно растущая преимущественно в деревнях армия безработных. Появившиеся новые рабочие места на многочисленных волостных и поселковых предприятиях, созданных по инициативе крестьян, частично поспособствовали решению проблемы излишней сельскохозяйственной рабочей силы. Аналогичную роль выполняли и ежегодно создаваемые китайскими властями дополнительные 10 млн рабочих мест.

Долгожданные реформа системы "сельскохозяйственной прописки" и введение единой "прописки жителя" для всего населения, согласно которым крестьянам санкционировался выезд из деревни в город, относительно разрядили напряженную ситуацию, складывающуюся в среде безработных жителей деревни. Следствием внутренней миграции китайцев из деревень стало повышенное предложение на городском рынке труда дешевой рабочей силы со стороны "урбанизирующихся" крестьян. Вышеназванное обстоятельство серьезно усугубляло и разрыв в доходах горожан и крестьян, достигавший пяти-, шестикратной величины. Потеря горожанами рабочих мест, по причине перемещения низкопроизводительной избыточной сельскохозяйственной рабочей силы в промышленность и сферу услуг, стала вынуждать их искать место приложения своим физическим и интеллектуальным усилиям, в том числе и за пределами Поднебесной. Китайские власти в данном случае, как в свое время и с институтом "сельскохозяйственной прописки", поступили

прагматично. В ответ на нарастающую острую конкуренцию за рабочие места между селом и городом, начали свободную выдачу загранпаспортов. К примеру, с 2002 года, в целях преодоления безработицы, государство содействует организации трудоустройства граждан за пределами страны. Более того, формирует органы, призванные оказывать иммигрантам посреднические услуги.

Подъем сельского хозяйства и массовая индустриализация во многом стали реальными благодаря беспрецедентным по масштабам иностранным прямым инвестициям, привлекаемым в Китай. Красноречивым подтверждением данного обстоятельства является размещение более 400 из 500 ведущих мировых компаний своих предприятий в КНР. В перспективе массовая перебазировка мировой перерабатывающей промышленности в китайскую экономику продолжится, так как главное конкурентное преимущество – дешевизна рабочей силы, – судя по всему, сохранится и в среднесрочной перспективе. Например, исходя из ставок зарплаты, за час работы американскому и китайскому промышленному рабочему полагаются немногим более 15 долларов и 57 центов соответственно. Кроме того, по данным ООН, средняя зарплата в Китае составляет 1/30 оплаты труда в Японии, 1/20 – на Тайване, 1/14 – в Южной Корее, она ниже, чем в Мексике, Турции, на Филиппинах, в Индии, Индонезии.

Справедливости ради следует отметить, что в иностранных капиталовложениях довольно высока доля капитала, принадлежащего хуацяо. Данным термином, принято называть, китайцев, эмигрировавших из КНР и на постоянной и легальной основе проживающих во всем мире. Многие из хуацяо в силу семейных, родовых, культурных и иных традиций и обычаев свято чтят память о своей родине. В ходе анализа структуры инвестиций выяснилось, что в последние 25 лет из привлеченных 500 млрд долл. зарубежных капиталов более 80% составлял капитал Гонконга, Тайваня, а также хуацяо США, Европы и Юго-Восточной Азии [7].

Кроме того, нельзя обойти вниманием и тот факт, что в деловых отношениях азиатские пред-

приниматели и бизнесмены существенное значение придают персонифицированным связям и семейным кланам. Немаловажную роль в этом явлении сыграло и конфуцианство, ключевым содержанием которого, помимо обожествления императора, является культ предков. Пиетет к родителям, всемерная их поддержка со стороны детей, преимущественно сыновей, – испокон веков основные добродетели китайского социума, на которых зиждется правильное государственное устройство. Следовательно, не исключено, что тысячелетиями господствовавшие в Китае конфуцианские устои внесли свою весомую лепту, как бы парадоксально это ни звучало, и на состояние и развитие современной пенсионной системы КНР, а вернее, на отсутствие таковой в полноценном российском понимании. Традиционные ценности, такие, как уважительное и благоговейное отношение младших к старшим и пожилым, содействие им, в том числе и материальное, заменили многим престарелым китайцам пенсионное обеспечение. Исторически сложилось, что бремя социальных расходов государство несет только для ограниченного числа бюджетополучателей. Как правило, горожанам и работникам госпредприятий предоставлялись субсидии на жилье, услуги общественной медицины, детских дошкольных учреждений, просвещения, пенсии и прочие льготы. На крестьян вышеперечисленный "пирог" из социальных услуг не распространялся. По китайским законам о труде, как и по российским, право на получение пенсии женщинам предоставляется по достижении 55 лет, мужчинам – 60 лет. При наличии в КНР полноценной системы пенсионного обеспечения, только выплаты по выслуге лет полагались бы приблизительно 140 миллионам китайцев. Если учесть, что размер средней пенсии в Китае равен 75 долл., то столь обременительная финансовая "ноша" была бы просто неподъемной для бюджетной системы. Тем не менее, на пенсионном пайке в Китае находится более 32 миллионов человек, в основном, вышедшие на пенсию служащие госпредприятий. Однако по разным причинам, в том числе и вследствие

политики "один ребенок в одной семье", число трудоспособного населения будет сокращаться, как шагреновая кожа и по прогнозам экспертов через 45 лет в КНР на одного пенсионера будет приходиться 3 работающих, по сравнению с сегодняшним соотношением 10:1. В целях преодоления нарастающих угроз с 1984 года в Китае запускается пенсионная реформа, практическая реализация которой началась с 1995 года после долгих подготовительных мероприятий. В настоящее время в проведении пенсионной реформы в КНР основной акцент придается повышению государственного контроля за фондами, куда поступают пенсионные накопления и активизации усилий по повышению их доходности, в том числе и посредством рынка капиталов.

Вышеописанные проблемы во многом создали предпосылки для национальной склонности китайцев сберегать немалую, даже по восточноазиатским меркам, не говоря уже о западных, долю своих весьма скромных доходов. Так, уровень семейных сбережений составляет около 30% располагаемого дохода против 21% в Японии, 18% на Тайване, 16% в Бельгии и 8% в США. Однако нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что с каждым годом Китай все больше вползает в зону высокой зависимости от экспорта и ресурсоемких, а главное энергоемких товаров. Альтернативой данному развитию событий является активный рост внутреннего рынка китайской экономики путем стимулирования потребления, что в настоящее время, говоря прямо, не очень удается. Тем не менее, высокая норма семейных сбережений является существенным фактором, стабилизирующим китайское народное хозяйство.

Данное обстоятельство в условиях недостаточно развитой банковской сферы привело многих китайцев на фондовый рынок. В надежде заработать, в том числе и на безбедную старость, миллионы жителей Поднебесной открывают счета для ведения торгов на РЦБ. Открытие фондовой биржи в 1990 году с началом приватизации жилищного фонда стало продолжением перманентных рыночных преобразований китайской экономики. В данном случае, следу-

ет особо выделить именно реформы, направленные на построение социалистической рыночной экономики с китайской спецификой. Специфика прежде всего заключается в концепции постепенности, неспешности и ступенчатости проводимых преобразований китайской экономики, которая красной нитью проходит в течение последних 30-ти лет и проявляется в следующем алгоритме. В начале разрабатывается комплексный план ключевых идей, предполагающий анализ как условий осуществления реформ, так и возможностей применения в данных условиях зарубежного опыта формирования и развития рыночной экономики. Далее теоретически проработанные элементы экономической политики реализуются в виде локального эксперимента и впоследствии, в случае удачной, положительной апробации получают широкое распространение на территории всей страны. Наглядным примером вышеописанной концепции служит опыт проведения реформы системы цен путем, так называемой, параллельной либерализации. Дуальная либерализация (dual track liberalization) подразумевает сочетание как плановой, так и рыночной экономики в одном секторе. В 1978 году, в соответствии с упомянутым методом, полудюжине предприятий в китайской провинции Сычуань было разрешено реализовать всю сверхплановую продукцию по свободным ценам любому потребителю. Единственным ограничением являлся потолок цен, согласно которому рыночные цены не могли превышать плановые более чем на 20%. Правда, со временем, через год, данное ограничение было упразднено. В 1979 году в этот эксперимент включились 100 предприятий, в 1980 году – 3/5 всех государственных предприятий и, наконец, в 1984 году – право сбывать сверхплановую продукцию распространилось на все предприятия. Следствием данного эксперимента явилась практически безболезненная отмена плановой системы, когда ее доля в производстве в 1993 году не превышала 5%. Кроме того, в течение данного временного лага, равного 15-ти годам (с 1978 по 1993 гг.), движение по отрезку "плановые цены – смешанная система – свободные цены и свободный обмен" происхо-

дило со среднегодовым ростом производства приблизительно 10%. Тем не менее, либерализация цен, в соответствии с концепцией постепенности, неспешности и ступенчатости, была не всеобъемлющей и не затронула целый ряд товаров. Государство сохранило под своим крылом установление цен на продукцию естественных монополий (нефть, природный газ, редкие металлы и пр.), специфические товары, такие, как медикаменты, оружие. Кроме того, на услуги учреждений социальной сферы: здравоохранение, образование, культуру и спорт. Однако справедливости ради стоит заметить, даже столь "мягкая" либерализация не уберегла жителей Поднебесной от резкого роста цен. К примеру, если индекс потребительских цен для населения за 28 лет, предшествующих реформам (с 1950 по 1978 гг.), составил 144,7%, то за 16 лет реформ (с 1979 по 1994 гг.) он повысился до 429,6%. Тем не менее, за период с 1995 по 2004 гг. сводный индекс потребительских цен снизился до 115%. Однако за последние годы скорость роста цен увеличивается, и за первое полугодие 2007 года цены выросли на 3,2% при заданной цели правительства – 3% в год.

Процессы же приватизации в китайской экономике проходили под эгидой принципа "Чжуа Да Фан Сяо" – "держат в руках большие предприятия, отпустить маленькие". Другими словами, в Китае в отличие от России не ставилась сверхзадача трансформации государственной собственности в частную путем программы тотальной приватизации. Таким образом, после начала приватизации малых и средних госпредприятий, уже в 1999 году вдвое сократились как численность работников, занятых на промышленных госпредприятиях, так и доля самих госпредприятий в ВВП по сравнению с 1993 годом. Кроме того, весьма показательным является тот факт, что, согласно подсчетам С. Гуриева, ректора Российской экономической школы, доходы только от 180 крупнейших приватизационных сделок с 1991 года принесли более 18 млрд долл. – то есть примерно столько же, сколько вся российская приватизация [1], в рамках которой в отличие от китайской денационализации подверглись и крупные страте-

гические гиганты. Также заслуживает особого внимания то, что процессы либерализации, в том и числе и цен, в повестке китайских реформ стояли намного пунктов выше, чем процессы приватизации. Как показывает мировой опыт, такая последовательность преобразований является наиболее выверенной, поскольку первоочередность проведения приватизации на начальном этапе реформ сопряжена с более масштабными потерями и снижением эффективности реформ.

Резюмируя все вышесказанное, следует отметить, что ключевая особенность китайских реформаторских идей заключается в сохранении институциональной базы и трансформации плановой экономики в рыночную. Напомним, что выходом страны из социализма является радикальная пертурбация, смена институциональной базы, состоящей из однопартийной политической системы и преобладания госсобственности на основные средства производства. И если основа госпредприятий в КНР не ослаблена, они обеспечивают 2/3 занятости городского населения и управляют 2/3 основных фондов, а также дают более половины поступлений доходной части бюджета государства [7], то с руководящей и направляющей ролью КПК начинают происходить непредсказуемые метаморфозы. Допуск в ряды членов КПК представителей китайской "олигархии" и участие самих членов КПК в управлении активами корпораций являются первыми ласточками, подтверждающими вышесказанное. Следующие симптоматичные события прились на весну и лето 2007 года. В конце апреля 2007 года в состав госсовета КНР в качестве главы министерства науки и техники вошел Вань Ган, никогда не состоявший в рядах КПК. Спустя некоторое время в начале июля главой министерства здравоохранения назначается первый за долгие годы беспартийный министр в китайском правительстве – Чэнь Чжу. Таким образом, ряд экспертов полагают, что начало демонтажу коммунистического режима положено, так как произошел официальный допуск к управлению страной некоммунистов.

Тем не менее, на сегодняшний день следует констатировать следующее. Без проведения

шоковой терапии, чековых аукционов и ваучерной приватизации в экономике, без развенчания культа личности Мао Цзэдуна за массовые убийства и репрессии, без полномасштабной декоммунизации и сильной оппозиции в политике, без переноса западных ценностей на свою культурную почву и при бережном отношении к собственной богатой традициями и обычаями истории, современный Китай трансформируется в одну из наиболее мощных и влиятельных держав мира. Явными подтверждениями вышесказанному служат активизация процессов диверсификации внутреннего производства и внешнеэкономической деятельности, осуществление дорогостоящих космических программ или продолжающееся наращивание военной мощи – все то, что является минимально-необходимым "набором" сверхдержавности. Остается добавить, что энергичная и стратегическая политика КНР по расширению и укреплению своих позиций на мировой арене уже приносит хорошие плоды. К примеру, показательна китайская экспансия на Африканский континент, результатом которой стало десятикратное увеличение до 40 млрд долл. (с 1996 по 2006 гг.) товарооборота КНР с африканскими странами и превращение Китая во второго после США импортера африканской нефти. Кроме того, в Африке уже размещены 11 китайских центров содействия инвестициям и торговли. Также, по словам В. Соколовского, руководителя группы Совета Федерации по сотрудничеству с парламентами африканских стран, в Китае разработана государственная стратегия укрепления позиций на Африканском континенте, изложенная в опубликованном в 2006 году документе "Политика КНР в отношении Африки".

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что в XXI веке человечество станет свидетелем жесткой конкурентной борьбы двух гигантских экономик мира – США и КНР – не столько за рынки сбыта и иностранные инвестиции, сколько за ограниченные энергоносители, тающие с каждым годом, как льды Антарктиды.

Список литературы

1. Гуриев С. Мифы экономики: Заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 210 с.
2. Дынкин А. Мировая экономика: Новая логика роста // Ведомости. – 2007. – № 116 (1890).
3. Кашин В. Китай хочет охладиться // Ведомости. – 2007. – № 134 (1908).
4. Речман Г. Саммит "восьмерки": Инерция лидерства США // Ведомости. – 06.06.2007. – № 102 (1876).
5. Россия и страны мира. 2006.: стат. сб. / Росстат. – М., 2006. – 366 с.
6. Свиннен Й., Макурс К. Аграрные преобразования в странах с переходной экономикой // Вопросы экономики. – 2001. – № 8. – С. 118-129.
7. Стровский Л. Е., Цзян Цзин. Китай после вступления в ВТО. Адаптация китайской экономики к условиям мирового хозяйства. – М.: Юнити-Дана, 2007. – 224 с.

В редакцию материал поступил 31.08.07.